

Ю. В. Матова
Саратов, Россия

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК СФЕРА-МИШЕНЬ МЕТАФОРИЗАЦИИ
ЛЕКСИКИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ
(по материалам национальных лингвистических корпусов)**

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрены общие закономерности и национальные особенности метафорического использования лексики со значением трудовой деятельности (актер, сеятель, учитель, architect (архитектор), gardener (садовник), clown (клоун) и др.) в русскоязычной и англоязычной политической коммуникации. Исследование выполнено на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и Oxford English Corpus (ОЕС) и опирается на материалы предварительного анализа авторитетных толковых словарей русского и английского языков. Используются когнитивная методика концептуального анализа метафоры и когнитивная методика регулярного метафорического моделирования. Выделены следующие смысловые субсферы, которые в политической коммуникации регулярно служат источниками метафоризации: тяжелый физический труд и ремесло: пахарь, кузнец, builder (строитель), tailor (портной); педагогическая деятельность и уход за детьми: нянька, teacher (учитель), missionary (миссионер); врачевание и уход за больными: лекарь, целитель, doctor (врач), midwife (повивальная бабка); искусство и творчество: артист, лирик, artist (художник), sculptor (скульптор); руководство и управление: вождь, флагман, director (режиссер), captain (капитан); прислуживание и низкоквалифицированный труд: извозчик, сапожник, lackey (лакэй), knave (прислужник). Сделан вывод о том, что метафоры трудовой деятельности регулярно используются в политических текстах и сочетают именование, характеристику человека с оценкой личностных качеств этого человека и его деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексика русского языка; лексика английского языка; трудовая деятельность; метафоры; метафорические модели; политические коммуникации; русский язык; английский язык.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Матова Юлия Вячеславовна, ассистент кафедры романо-германской филологии и переводоведения, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского; 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83; e-mail: juliasatushina@gmail.com.

Современные исследователи отмечают, что метафора открывает доступ к мышлению человека, отражает ментальные процессы, устойчивые черты сознания (см., напр.: [Lakoff, Johnson 1980; Fauconnier 1985; Баранов 2004; Будаев, Чудинов, 2008; Кубрякова 1999]). Особое место в метафорической системе языка занимает социальная метафора, продуктивность различного типа социальной лексики как источника метафоризации не раз отмечалась в литературе [Koller 2008; Lakoff 2004; Балашова 2011; Баранов, Караулов 1991; Складневская 1993; Чудинов 2010 и др.]. Активно в метафорическую систему языка вовлекается лексика трудовой деятельности, что обусловлено местом труда, профессии в структуре общественных отношений, ролью, которую они играют в социальном становлении и развитии личности.

Настоящее исследование метафорических значений лексики трудовой деятельности выполнено на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и Oxford English Corpus (ОЕС) и опирается на материалы предварительного анализа авторитетных толковых словарей русского и английского языков. Используются когнитивная методика концептуального анализа метафоры и когнитивная методика регулярного метафорического моделирования.

Рассмотрим общие закономерности и национальные особенности метафоризации, взяв за основу для классификации семантические особенности производящих значений. Как в русскоязычной, так и в англоязычной

политической коммуникации основой для метафоры часто становится лексика созидательной трудовой деятельности. Так, в обоих языках регулярно метафорически используются существительные, называющие представителей тяжелого, преимущественно физического труда (землепашество, строительство, кузнечное дело и пр.). Важно заметить, что такие метафоры, как правило, содержат положительный оценочный компонент. Ярким примером здесь может служить знаменитая фраза Президента В. В. Путина: *Все эти восемь лет я пахал, как раб на галерах, с утра до ночи, и делал это с полной отдачей сил.* Как отмечает Л. В. Балашова в своем диахроническом исследовании, эта закономерность издавна характерна для русской речи [Балашова 2011: 328]. Тяжелый физический труд, результат которого имеет утилитарную ценность, высоко оценивается обществом, что находит отражение в метафорах: *Хрущев не барствовал, не ленился, работал как пахарь с сохой — на износ; И не годится для взрослеющего среднего класса — того самого строителя гражданского общества, за которое реформаторы так боролись; Simpson was “a builder and a sower” who contributed to the development of schools, the careers of people who served in them (Симпсон был „строителем и сеятелем“, который много сделал для развития школ, карьеры людей, работавших в них).*

Широко используются в русских и английских политических текстах и образные значения существительных, обозначающих

деятельность, связанную с медицинской помощью, процессом обучения: *целитель, санитар, учитель, doctor (врач), midwife (повивальная бабка), nurse (няня)* и др. Положительная оценочность метафор в данном случае является следствием осмысления характера и целей такой деятельности: приносить облегчение страданий, излечивать от болезней, нести знания. Ср.: *Совсем другим человеком был Кемаль-паша Ататюрк — правитель, революционный преобразователь, сильная личность, диктатор, обладавший колоссальной энергией, профессиональный солдат и политический целитель; В этом случае, по ее мнению, „кризис может быть полезен как санитар экономики“, поскольку заставит сокращать расходы на ресурсы; Он, так же, как и его политический учитель В. Путин, испытывал на себе влияние сложнейших процессов, происходивших как на международной арене, так и внутри РФ.*

В англоязычной политической коммуникации переносное значение номинации *doctor (врач)* чаще всего функционирует в составе устойчивого сочетания *spin doctor* (букв. *врач по раскрутке*), которое обозначает PR-специалиста, обеспечивающего подачу информации в СМИ под нужным углом: *...who fall for Obama's spin doctor narratives as much as the America people do (...кто ведется на речи пиарщика [букв. врача по раскрутке] Обамы так же сильно, как люди Америки).* В метафорическом употреблении существительное *midwife (повивальная бабка)* называет того, кто способствует созданию или развитию чего-либо: *Nigeria acted as a political midwife in the birth of ECOWAS in the early 1970s (Нигерия сыграла роль политической повивальной бабки в процессе рождения сообщества ЭКОВАС в начале 1970-х).*

Однако стоит заметить, что как в русском, так и в английском языке не получает одобрения чрезмерная опека, которая душит самостоятельность, не дает свободы в принятии решений. Отсюда пейоративный компонент в метафорах лексем *нянька / nanny*: *Путин нянька что ли, за ручку ходить всех одергивать? Или он должен был выпустить приказ о запрете фуршетов?* Отрицательный прагматический компонент в британском варианте английского языка имеет устойчивое выражение *nanny state (государство-нянька)*, называющее государство, чье правительство чрезмерно опекает граждан: *Instead of calling for wider press freedoms, which would be the sensible thing to do, they want the nanny state to extend to cyberspace (Вместо того, чтобы выступить за боль-*

шую свободу прессы, что было бы разумно, они хотят, чтобы государство-нянька распространило свое влияние в киберпространство).

Еще одна смысловая сфера, регулярно выступающая источником метафоризации в политической коммуникации — «Искусство и творчество». Наиболее широко в речи политиков и текстах, освещающих политическую жизнь, распространены метафоры из субсферы «Театр и цирк». Выступление политиков перед публикой и их попытки привлечь внимание толпы ассоциируются с выступлением артистов на сцене. Тот факт, что политики нередко дают пустые обещания, скрывают истинное положение дел за красивыми фразами либо искажают факты, прибегают к различным ухищрениям, стремясь добиться поддержки избирателей, порождает сравнения именно с актерами-притворщиками, шутами и клоунами.

Актеры и циркачи предстают перед зрителями в особой ипостаси: становятся как бы иными, не равными самим себе, их действия не соответствуют действительности, их поведение преувеличенно, неестественно. В метафорических значениях названные характеристики трансформируются в признаки 'ложь', 'обман', 'неискренность', 'притворство' и др.

Например, метафорически лексемы *актер/actor* используются для обозначения того, кто, притворяясь, рисуясь, старается казаться не таким, каков в действительности, часто с целью обмана: *Слушаешь Путина — и в душу закрадывается нехорошее подозрение, что мы имеем дело не с верховным правителем России, но с более или менее талантливым актером, который перед страной разыгрывает очередной занятный спектакль, отвлекая внимание от того, что происходит на самом деле за кулисами; ...in pre-election war one must be a good actor (...в предвыборной войне нужно быть хорошим актером).*

Неестественная ловкость и изворотливость артистов цирка ассоциируются с обманом, притворством в сфере политики: *...a political acrobat whose opinion on any issue is whatever will get the most votes (...политический акробат, чье мнение в любом вопросе совпадало с тем, за что проголосует большинство); Mr. Lumpkin considered, and so called him, six years ago, an intriguer, manager, and political juggler (Мистер Лампкин считал и называл его шесть лет назад интриганом, менеджером и политическим жонглером); Conway — whose verbal contortionist acts in her candidate's defense helped popularize the concept of*

“*alternative facts*” (Конвей — чьи действия **вербального акробата** в защиту ее кандидата помогли популяризовать понятие „альтернативные факты“); *Вы наверняка знакомы с тем, как они [о политических дискуссиях на телевидении] проводятся: собираются несколько безответственных болтунов и эквилибристов слова и начинают, перебивая друг друга, молоть всякую чушь, что, как вода из крана, проходит через их головы.*

Наиболее последовательно отрицательная прагматическая оценка связана с метафорическими значениями таких номинаций, в которых признаки ‘несерьезность’, ‘несоответствие действительности’, ‘обман’ входят в когнитивное ядро первичного ЛСВ (лексико-семантического варианта). Например, *фокусник* развивает метафоры со значением «обманщик, ловкач, плут»: *Революционер — это тот, кто может обратить других в преступников. Подобно фокуснику он водит всех за нос и получает аплодисменты.*

Сохраняет негативную оценку метафоризация лексик, именующей деятельность, которая направлена на увеселение публики: *клоун, комедиант, лицедей, паяц, скоморох, фигляр, шут, buffoon (буффон), clown (клоун), jester (шут)*. Такая деятельность не связана с процессом созидания, не имеет утилитарной ценности, поэтому соответствующие занятия воспринимаются как несерьезные, пустые. Кроме того, в формировании метафор пейоративной оценки играет роль неестественность поведения артистов, которые в метафорах предстают кривляками и лицемерами, выставляющими себя на посмеище. Описанный тип переноса представлен значительным числом членов как в русскоязычном, так и в англоязычном политическом дискурсе. Ср.: *И сквозь все это тянется Труба, символ и миф, и за суверенные державные Крыны торжественно держатся президенты, императоры, генеральные секретари и прочие комедианты [о выборах в Государственную думу]; ...откровенные фигляры не могут рассчитывать на действительно массовую поддержку и обожание толпы; The Queen is not, as **political jester** Russell Brand put it, merely a “little old lady in a shiny hat” (Королева — не просто „маленькая женщина в блестящей шляпе“, как выразился **политический шут** Рассел Брэнд); Yes, but the America I like is the America of Roosevelt. Not that led by the **clown George Bush**, with the boy scout Tony Blair beside him (Да, но Америка, которую я люблю, — это Америка Рузвельта. Не та, которой руководит **клоун Джордж Буш** с бойскаутом Тони Блэром подле него).*

Как в русском, так и в английском языке негативно оценивается чрезмерная фантазия, сочинительство, которые ассоциируются с ложью и обманом. Переносные значения лексем *сказочник, сочинитель, fabulist (баснописец), storyteller (сказочник)* номинируют обманщиков и лгунов: *...the taut, hugely entertaining tale of **the fabulist reporter** who made up almost half of the cover stories he wrote (...аккуратная, очень развлекательная история **репортера-баснописца**, который выдумал почти половину своих передовых статей).*

И в русском, и в английском языке регулярным является такой вид переноса, при котором номинация руководителя из какой-либо сферы используется для обозначения того, кто осуществляет контроль или управление в политической сфере. Поскольку отношения руководства и подчинения главным образом представлены именно в сфере трудовой деятельности, номинации руководителей, начальников, управляющих разных уровней активно вовлекаются в процесс метафоризации для описания отношений руководства в других сферах деятельности. Многообразие видов руководства и трудовых областей, в которых оно реализуется, дает возможность отразить в метафорах различные особенности и стили.

В данной группе мы обнаруживаем ряд аналогов — номинаций, которые развивают сходные метафорические значения в русском и английском языке и регулярно используются в политическом дискурсе. Например, лексема *вождь/chieftain* служит для номинации «общепризнанного идейного руководителя, главы» в сфере политики: *Мудр наш вождь: при тотальном падении цен в мире, добиться их повышения в России — это здорово!; This has to be discomfiting to **the chieftains of the Democratic Party** (это должно привести в замешательство **вождей Демократической партии**).*

Параллельные метафорические значения имеют существительные *архитектор* и *architect* — «создатель, инициатор». В русском языке это метафорическое значение не отражено в словаре, однако часто встречается при анализе корпусного материала. Чаще всего указанная метафора используется в текстах при описании политических преобразований и реформ: *А я утверждаю, что в центре системы стоит Путин, не он **архитектор системы**, но он ее холит и лелеет; Chris Patten, the **architect of the Tories' glorious election victory** (Крис Паттен, **архитектор блистательной победы тори** на выборах).*

Того, кто управляет в авторитарной, жесткой манере, в русском и английском языке

принято обозначать с помощью лексем *диктатор/dictator*. Но дело здесь в том, что любой маленький **партийный диктатор** мечтает с помощью трамплина партийной дисциплины запрыгнуть на место большого диктатора страны; *He sounded more like a dictator than a Prime Minister (он звучал больше как диктатор, нежели премьер-министр)*.

Метафоры с участием лексики управления и руководства представлены обозначениями руководителей из различных сфер деятельности: искусства (*дирижер, режиссер, запевала, корифей, кукловод, суфлер, director — режиссер, orchestrator — тот, кто осуществляет оркестровку, puppeteer — кукловод*), военной службы (*атаман, генерал, командир, застрельщик, флагман, general — генерал*), управления транспортными средствами (*лоцман, рулевой, driver — водитель*), сферы хозяйственной деятельности (*пастух, закоперщик, shepherd — пастух*), образовательной сферы (*headmaster — директор школы, schoolmaster — школьный учитель*).

Наличие или отсутствие оценочного компонента у метафор данной группы, а также его характер, обусловлены особенностями трудовой деятельности, выступающей источником метафоры, и стереотипными представлениями носителей языка о ней. Значительная часть метафор данной группы не имеет оценочного компонента, является нейтральными, например: *Леонид Гайдай, являясь дирижером всего действия, невероятно слаженно смог соединить в одно целое все три новеллы; Сергей Шойгу, одна из фотографий которого сопровождается до боли знакомым девизом „Шойгу — наш рулевой“; Donald Dewar, Scotland's then First Minister and orchestrator of devolution (Дональд Дэвар, тогда первый министр Шотландии и оркестратор деволюции); I don't trust myself to be verbose enough to be in the party's driver's seat (я не уверен в том, что достаточно многословен, чтобы занять кресло водителя в партии)*.

Мелиоративный оценочный компонент содержат метафоры некоторых существительных, именующих лидеров, предводителей. Например, значение со знаком «плюс» имеет не закрепленное в словаре метафорическое употребление существительного *флагман* («командующий крупным соединением военных кораблей, имеющий право поднять свой флаг на корабле, на котором он пребывает»). Данная метафора обозначает того, кто находится в авангарде, движется впереди, указывая дорогу другим: *Г. Греф не просто министр. Он — флаг-*

ман реформ, форпост либеральной экономической оппозиции в Белом доме. В английском языке примером такой метафоры может служить переносное значение существительного *torchbearer* («тот, кто несет факел»), которое номинирует лидера, вдохновителя в любой сфере деятельности: *The two have been the torchbearers for freedom from the increasing oppression of mother England (эти двое были факельщиками [лидерами] движения за освобождение от возрастающего гнета матери-Англии)*.

С другой стороны, в русском языке зафиксированы переносы с негативной оценкой у существительных, называющих инициаторов, начинателей чего-либо, например: *закоперщик, застрельщик, запевала*. Эти лексемы обозначают лиц, действия которых дают начало трудовой деятельности остальных членов: запевала — «тот, кто начинает пение, исполняющий запев», застрельщик — «наиболее искусный в стрельбе солдат линейной или егерской пехоты, который действовал в рассыпном строю и первым встречался с противником», — либо лиц, руководящих трудовым процессом, иницирующих его: *закоперщик — «рабочий, руководящий забиванием свай в грунт при помощи копра*. Названные лексемы развивают метафоры с негативным значением «зачинщик»: *Сегодня пресса сообщала, что Москва отозвала своих послов из стран — закоперщиков войны в Югославии, а завтра уже новая весть — отправляет их обратно; ...в отличие от Кремля, ни один местный партийный запевала не помер, как и положено, по-доброму, в окружении детей, жены и тещи; Но откуда могут взяться хорошие проекты, если ЦБ является застрельщиком повышения рыночных кредитных ставок?*

Подобный тип метафоризации отсутствует в английском языке, что, на наш взгляд, обусловлено культурными факторами. Немаловажное значение для описания любой культуры имеет ее отношение к деятельности: по этому параметру культуры разделяются на статичные и деятельностные [Katan 1999: 172; Ларина 2013: 41]. Для статичных культур характерно пассивное восприятие происходящего, отсутствие инициативы, в то время как для деятельностных культур свойственно стремление воздействовать на события или их иницировать. Русская культура принадлежит к первому типу. «Немотивированная чрезмерная активность выглядит в глазах русского человека неестественно и подозрительно» [Левонтина 2012: 217]. Русскому сознанию свойственны неторопливость, созерцательность, консерватизм, не-

любовь к радикальным переменам и излишней инициативности.

Со знаком «минус» в обоих языках трактуется деятельность по руководству, управлению, при которой у руководимых абсолютно отсутствует свобода выбора, воли и действий. Метафорические производные лексем *кукловод*, *суфлер*, *пастух*, *puppeteer* (кукловод) именуют манипуляторов, заставляющих других действовать по своей указке: *Возрождение Великой России в планы Алексеева и его кукловодов из западноевропейских лож никак не входило; За плечами бригадиров явно просматривались суфлеры из идеологического отдела ЦК КПСС; На выборах спятивший, разделенный на части народ, как стадо бычков, торопится к урнам под крики телевизионных пастухов, под ударами электронных бичей; ...nobody with a straight face can deny Cheney is a co-president or worse, the puppeteer who pulls Bush's strings (...никто не сможет всерьез отрицать, что Чейни правит вместе с Бушем или, что еще хуже, он — кукловод, держащий Буша за ниточки).*

В рассматриваемых языках отчетливо прослеживается тенденция к развитию метафорических значений с негативной оценкой у существительных, именующих работников низкоквалифицированного непрестижного труда. Низкая квалификация и непрестижность деятельности в метафорах часто ассоциируются с низким социальным положением, низкими интеллектуальными способностями, низким уровнем культуры.

Так, в метафорических производных лексем *извозчик*, *сапожник*, *лапотник*, *fish-wife* (торговка рыбой), *tinker* (лудильщик) на первый план выходит социальная оценка работника как личности. Метафоры с такими лексемами называют тех политиков, которые в соответствии с существующими стереотипами отличаются грубым, невежественным поведением и активно использует бранную нелитературную лексику. *Жириновский — это политический сапожник, который лезет во все сферы, причем без толку, зарабатывает себе дешевую, а чаще и скандальную популярность; В нашей стране не будет порядок, пока у власти лапотники; Эти люди претендуют на пост президента. Один ругается как извозчик, другая стаканом манипулирует; She is not talented or intelligent enough to actually make a splash, and so she must be a veritable political fish-wife (она недостаточно талантлива и умна, чтобы вызвать сенсацию, поэтому она должна быть настоящей политической торговкой рыбой [использовать грубую речь]); They have shown themselves to be*

mere tinkers in politics (они показали себя как обычные лудильщики [невежи] от политуки).

Таким образом, в описанных метафорах основой для оценки интеллектуальной деятельности человека, его личностных качеств, поведения становится представление о степени престижности его трудовой деятельности, ее полезности, степени сложности выполняемой работы, о прогрессивном или устаревшем характере труда.

Любопытно, что как в русских, так и в английских политических текстах номинации работников с низкой квалификацией используются для отрицательной характеристики тех, чья деятельность требует более высокого уровня подготовки. Так, представление о характере труда звездочета ассоциируется с недостаточной точностью его вычислений, приблизительностью результатов, вследствие чего метафора *звездочет* обозначает невежественных аналитиков и специалистов сферы планирования: *Звездочёты из числа приближенных к Кремлю делают большие глаза и старательно намекают на некую сокрытую от непосвященных информацию, касающуюся новой угрозы, с которой вот-вот столкнется Россия. В обоих языках метафорические производные существительного *мясник/butcher* используются для обозначения жестоких и кровожадных политических деятелей: ...обвинениям в том, что израильское военное ведомство потворствовало убийствам. Шарона окрестили „бейрутским мясником“; Amin, for instance, was a first-class political butcher, conducting mass killings and ethnic cleansing whenever he fancied (Амин, например, был первоклассным политическим мясником, устраивавшим массовые убийства и этнические зачистки, где ему заблагорассудится).*

Среди номинаций представителей низкоквалифицированного труда, вовлекающихся в метафоризацию, наиболее широко представлены лексемы, называющие тех, кто выполняет обязанности прислуги. Необходимость исполнять чужие поручения, прислуживать воспринимается как недостойное занятие, особенно в сфере политики, и в метафорах оценивается негативно.

Метафорические дериваты таких лексем обозначают лиц, чье поведение отличается раболепством, подхалимством, стремлением выслужиться: — *Американские лакеи! За что продали страну?; ...мы тысячу лет живем в рабовладельческом государстве. И сами же считаем, что у нас существует один царь, а мы все холопы; We are opposed to this EU, this lackey of imperialism and big business (мы против такого ЕС, ла-*

кея империализма и большого бизнеса); *Once The New Yorker convinced itself that Bush was well intentioned even if his performance was sometimes maladroit, it became one more courtier straining to get the king's ear* (как только „Нью-Йоркер“ убедил себя, что Буш имел благие намерения, хотя и действовал иногда неумело, еженедельник превратился в еще одного придворного, стремящегося подобраться к уху короля).

Однако несмотря на негативную оценку низкоквалифицированной, непрестижной трудовой деятельности и исполнения обязанностей прислуги, пейоративный оценочный компонент может отсутствовать в метафорах номинации *слуга/servant*. В данном случае служение воспринимается как работа с благой целью — исполнить чью-либо волю, желание, защитить чьи-либо интересы, помочь: *Единственное предназначение правительства — защищать права человека, охраняя его от насилия, т. е. выполняя функции слуги общества; I think of myself as a servant of society. I am paid by the taxpayer* (я считаю себя слугой общества. Мне платят налогоплательщики). Данными ассоциациями мотивированы устойчивые сочетания *civil/public servant* (гражданский/общественный слуга [государственный служащий]): *I served the British government as a civil servant for over 20 years of my life* (я служил британскому правительству как гражданский слуга [государственный служащий] более 20 лет своей жизни).

При формировании переносных значений существительных, называющих низкоквалифицированных работников и прислугу, на первый план выходит оценка отношений, возникающих в процессе труда, а также личностных качеств работника. Тип оценки определяется системой социальных ценностей и факторов, существующих в обществе в данный период его развития.

Заключение. Анализ лексикографического и корпусного материала показал, что в основе метафор трудовой деятельности, использующихся в русскоязычной и англоязычной политической коммуникации, лежат одинаковые метафорические модели, имеющие лишь незначительные различия, что подтверждает общечеловеческий характер принципов, находящихся в их основе. Описанные метафорические модели «отражают устойчивые детерминанты человеческого сознания или архетипы коллективного бессознательного» [Аникин, Будаев, Чудинов 2015: 5].

Важно также, что метафора трудовой деятельности часто сочетает в себе именование деятеля, характеристику его деятель-

ности и социальных отношений с оценкой этих характеристик. Тип оценки может основываться на ассоциациях и стереотипах, существующих в обществе, на представлении об утилитарной и социальной значимости определенной трудовой деятельности, степени ее сложности, устаревшем или прогрессивном характере труда.

Так, преимущественно положительно оценивается в обоих языках созидательная деятельность: земледелие, строительство, кузнечное дело, садоводство, обучение, уход за детьми и пр. Положительная оценочность также характерна для метафор творческих занятий, исключение составляют актеры и циркачи: их работа ассоциируется с неестественностью и притворством, а значит — угрозой обмана. Искусственность и чрезмерность в целом порицаются.

Отрицательную оценку содержат метафорические употребления лексики, описывающей низкоквалифицированный труд. Низкий уровень квалификации работника, устаревший характер производства, непрестижность занятия при метафоризации преобразуются в отрицательную оценку интеллектуальных способностей и личностных качеств человека. Кроме того, осуждается прислуживание, раболепство, а также такой стиль руководства и управления, который душил всякое проявление инициативы.

Несмотря на сходство регулярных моделей метафоризации, русский и английский языки демонстрируют и некоторые различия, обусловленные культурными факторами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин Е. Е., Будаев Э. В., Чудинов А. П. Архетипы и инновации в диахронической динамике метафорических систем в политической коммуникации // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 1. С. 5—11.
2. Балашова Л. В. История русской метафоры: когнитивный аспект. — Saarbrücken, 2011. 534 с.
3. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). — М., 1991. 193 с.
4. Баранов А. Н. Предисловие редактора // Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — М., 2004. С. 7—21.
5. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. — Екатеринбург, 2008. 248 с.
6. Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте Контейнера и формах его объективации в языке) // Изв. АН. Сер. литературы и языка. 1999. Т. 58. № 5—6. С. 3—12.
7. Ларина Т. В. Англичане и русские: язык, культура, коммуникация. — М., 2013.
8. Левонтина И. Б. *Номо piger* // Константы и переменные русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. — М., 2012. С. 211—218.
9. Складаревская Г. Н. Метафора в системе языка. — М., 1993. 152 с.
10. Чудинов А. П. Динамика российской системы моделей политической метафоры // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2010. № 12. С. 74—78.
11. Fauconnier G. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Languages*. — Cambridge, MA : MIT Press, 1985.

12. Katan D. *Translating Cultures*. — Manchester, 1999.
13. Koller V. Brothers in arms: Contradictory metaphors in contemporary marketing discourse // *Confronting Metaphor in Use: An Applied Linguistic Approach*. — Amsterdam/Philadelphia, 2008. P. 103—126.

Yu. V. Matova
Saratov, Russia

POLITICAL COMMUNICATION AS A TARGET DOMAIN OF LABOUR VOCABULARY METAPHORIZATION IN RUSSIAN AND ENGLISH (BASED ON NATIONAL CORPORA)

ABSTRACT. *The article studies the general tendencies and national peculiarities of metaphorical use of the words belonging to the semantic field of labour activity (actor (актер), seeder (сеятель), teacher (учитель), architect (архитектор), gardener (садовник), clown (клоун), etc.) in political communication in the Russian and English languages. The research is carried out on the basis of the National Corpus of the Russian Language and Oxford English Corpus (OEC); it relies on the dictionaries of Russian and English. The methods of cognitive analysis of metaphor and metaphorical modeling were applied in this research. The following semantic sub-spheres, which serve in political communication as the sources of metaphorization, were singled out: rough labour and handicraft: пахарь (plowman), кузнец (blacksmith), builder (строитель), tailor (портной); education and childcare: нянька (nanny), teacher (учитель), missionary (миссионер); healthcare and nursing: лекарь (healer), целитель (traditional practitioner), doctor (врач), midwife (повивальная бабка); art and creativity: артист (artist), лирик (poet), artist (художник), sculptor (скульптор); administration and management: вождь (leader), флагман (flagman), director (режиссер), captain (капитан); service and menial work: извозчик (driver), сапожник (shoemaker), lackey (лакэй), knave (прислужник). The conclusion is made that labour metaphors are frequent in political texts and they combine naming and characteristics of a person with evaluation of their personal qualities and activity.*

KEYWORDS: Russian vocabulary; English vocabulary; labor; metaphors; metaphorical models; political communication; Russian; English.

ABOUT THE AUTHOR: Matova Yulia Vyacheslavovna, Assistant Lecturer, Department of Romano-Germanic Philology and Translation Studies, Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, Russia.

REFERENCES

1. Anikin E. E., Budaev E. V., Chudinov A. P. Arkhetipy i innovatsii v diakhronicheskoy dinamike metaforicheskikh sistem v politicheskoy kommunikatsii // *Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2015. № 1. S. 5—11.
2. Balashova L. V. Istoriya russkoy metafory: kognitivnyy aspekt. — Saarbrücken, 2011. 534 s.
3. Baranov A. N., Karaulov Yu. N. Russkaya politicheskaya metafora (materialy k slovaryu). — M., 1991. 193 s.
4. Baranov A. N. Predislovie redaktora // *Metafora, kotorymi my zhivem / Dzh. Lakoff, M. Dzhonson*. — M., 2004. S. 7—21.
5. Budaev E. V., Chudinov A. P. Metafora v politicheskoy kommunikatsii. — Ekaterinburg, 2008. 248 s.
6. Kubryakova E. S. Semantika v kognitivnoy lingvistike (o kontsepte Konteynera i formakh ego ob'ektivatsii v yazyke) // *Izv. AN. Ser. literatury i yazyka*. 1999. T. 58. № 5—6. S. 3—12.
7. Larina T. V. Anglichane i russkie: yazyk, kul'tura, kommunikatsiya. — M., 2013.

14. Lakoff G. Don't Think Of An Elephant! Know Your Values and Frame the Debate. — Chelsea Green Publ., 2004. 124 p.
15. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980. 276 p.

8. Levontina I. B. Homo piger // *Konstanty i peremennye russkoy yazykovoy kartiny mira / A. A. Zaliznyak, I. B. Levontina, A. D. Shmelev*. — M., 2012. S. 211—218.

9. Sklyarevskaya G. N. Metafora v sisteme yazyka. — M., 1993. 152 s.

10. Chudinov A. P. Dinamika rossiyskoy sistemy modeley politicheskoy metafory // *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 2010. № 12. S. 74—78.

11. Fauconnier G. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Languages*. — Cambridge, MA : MIT Press, 1985.

12. Katan D. *Translating Cultures*. — Manchester, 1999.

13. Koller V. Brothers in arms: Contradictory metaphors in contemporary marketing discourse // *Confronting Metaphor in Use: An Applied Linguistic Approach*. — Amsterdam/Philadelphia, 2008. P. 103—126.

14. Lakoff G. Don't Think Of An Elephant! Know Your Values and Frame the Debate. — Chelsea Green Publ., 2004. 124 p.

15. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980. 276 p.